ТОТАЛИТАРИЗМ И ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

12 выпуск

Томск - 2014

2. Алексушин Г.В. Образование представителей дореволюционной губернаторской власти Отечества//Право и образование №9. сентябрь 2007. С.116.
3. Там же.
4. См. например: Буржуазная социальная пропаганда и идейно-политическое воспитание молодёжи//Вопросы идейно-политического воспитания молодёжи в условиях социализма. М.1981.С. 90-104, Матвеев Л.И. Система комсомольской политической учёбы//Молодёжь и политика. М. Молодая Гвардия.1972. С.263-274.

Зейле Н.И., Гавриляк А.И.

КОГНИТИВНЫЕ ИСТОКИ ТОТАЛИТАРИЗМА

К концу XX века в условиях демократических преобразований и сужения социальной базы тоталитарной власти у многих исследователей феномена тоталитаризма (с латинского – цельность, полнота) сформировались иллюзорные установки относительно его будущей перспективы. Идеализация рыночных отношений, принципов гражданского общества на основе идеологии плюрализма и толерантности с широким использованием современных средств коммуникации и информации не вселяли надежд относительно возврата этого человеконенавистнического политического режима, подавляющего индивидуальные особенности и самобытность личностного бытия. Однако, вступив во второе десятилетие XXI века и наблюдая широкое использование принудительных методов и различных технологий в решении политико-экономических и других проблем, у многих произошла переориентация установки относительно вопроса о влиянии и даже утраты доктрины тоталитаризма на все сферы жизнедеятельности у людей. События на Украине и всё, что связано с ними, являются горькими свидетельствами недооценки скрытых ресурсов тоталитаризма.

В предлагаемой статье акцент их анализа смещён на выявление когнитивных истоков тоталитаризма, опирающегося на теории, которые становятся воплощением воли широких народных масс. Практическая реализация принципов таких теорий чудодейственным образом оборачивается против «творчества» самих же масс. Анализ начнём с констатации трёх путей постижения реальности, сформировавшихся в когнитивных практиках. Во-первых, логико-эмпирический путь, венцом которого является научная форма познания. Во-вторых, образно-символический путь, представленный прежде всего, миром искусства. В-третьих, путь медитации, основанный на предположении непосредственной коммуникации познающего с сакральной трансценденцией. Этот путь претендует на получение всеобщего знания и при отсутствии объективных критериев его оценки даёт мистические

ответы на все практические и теоретические вопросы. К такому знанию неприменимы принципы верификации и фальсификации, поэтому оно в силу своей непостижимой сущности непосредственно связывается с верой. В социокультурном пространстве оно сопрягается с религиозностью, носителем которой являются, как правило, харизматические личности. Нетрудно обнаружить, особенно в сектантских практиках, связь такой формы знаний с тоталитарным сознанием и его конкретным теократическим типом.

Сложнее обнаружить связь тоталитарного сознания с образно-символической формой освоения реальности. Не являясь знатоками сферы искусства, можем лишь предполагать о существовании такой связи хотя бы по наличию в этой сфере эстетической теории «чистого искусства», направленной против служения политическим и иным целям. История социалистического реализма, как контраверзы идеологии «искусства для искусства» является ярким примером трансформации искусства в пространство тоталитарного сознания.

Поиски присущей искусству внутренней ценности в истории эстетически-философских изысканий привели, например, Платона к мысли о недостижимости истины в искусстве, так как его адепты, восхваляя мир чувственности, способны лишь имитировать мир эйдосов. Хотя вряд ли позиция Платона разделялась представителями романтизма, считавших область искусства, в силу созидательного творческого воображения, превосходящей мир жизненных смыслов. Но опять же, пытаясь понять добродетельный смысл трудовой крестьянской жизни, Л.Н. Толстой, критиковавший романтизм, считал главным источником искусства не творчество, а искренность, которая способствует наполнению искусства религиозным содержанием и является инструментом объединения людей во всемирное сообщество. Таким образом, по Толстому, искусство является гарантом целостности и прогресса общества, но только под руководством христианской религии.

Противоречивые оценки природы искусства, видимо, обусловлены символическим характером сознания. Символ – это знак, обладающий интенцией указывания не на строго определённое множество значений и смыслов. Углубление в символ сопровождается размытием горизонта данности (явленности), за которым в ожидании скрывается тайна, «намекающая » на смыслы. Например, восприятие красного само по себе несимволично, но будучи включённым в целостное человеческое сознание с присущим ему миром интеллигибельных объектов, «намекает» на кровь, красный флаг, красную зарю и т.п. Умелое использование диктаторами данной особенности сознания позволяет им устанавливать тоталитарные режимы.

В многоцветной палитре познавательных форм логико-эмпирического пути освоения реальности выделяют следующие модели: 1) созерцательную, в которой познание трактуется как отражение

субъектом объекта, а метафорической формой этой модели с античных времён является понимание знания как «печати на воске»; 2) репрезентативную, в которой знание понимается не как информационная копия объекта, а как результат ментальной активности субъекта; 3) проективно-конструктивную, представляющую процесс познания как особую деятельность субъекта по конструированию объекта; 4) герменевтическую, основывающуюся на процедурах понимания, интерпретации, истолковании; 5) популярную сегодня модель эволюционной эпистимологии, представляющей познание как жизнедеятельность, в процессе которой имеет место адаптация живых систем к среде обитания посредством «знания».

Понятно, что эти модели обладают своим специфическим набором проблем, а также средств и методов их разрешения. Следует заметить, что способы их решения, как и рефлексия над ними, зависит от принадлежности автора к эмпирической либо рационалистической традициям европейской гносеологии с характерными для них слабостями. Принадлежность мыслителя к этим традициям, наряду с функционирующими в обществе доминантными нормами и идеалами могут порождать причудливые симбиозы обоснования целесообразности как существования и сохранения порядка и традиций, так и неизбежности назревших перемен. Народные массы, сфера жизни которых не простирается в запутанные дебри гносеологических проблем, живущие в мире надежд и преходящих ценностей повседневности, воспринимают «симбиозы обоснованности» как проявление их общей воли.

Мощные призывы к расширению узкой сферы частной жизни, а также жизни нации или этноса снимают на время общий страх перед властными структурами и вселяют надежды на справедливый порядок, парадоксальность которого не исключает тоталитарных форм его реализации.

Заметим, что классическая гносеология явно или неявно опиралась на онтологический принцип существования неизменной основы мира, что дало основание К. Попперу причислить Платона к носителям тоталитарного сознания. Современная гносеология ориентируется на антропологическое измерение, которое расширило её предметную и категориальную сферы.

Например, в постмодернизме преодоление слабостей классики основывается на идеях номадологии и резомы. В номадологии мир представляется как бесструктурный, децентрированный, приоритет в котором отдаётся случайным событиям. Понятие «резома» указывает на принципиальную непредсказуемость будущих состояний из-за её плюралистического характера «размножения» в каком угодно направлении. Но отказ от выявления устойчивых структур и невозможность предсказания резоморфных сингулярностей противоречит здравому смыслу и системным методам научного исследования. Более того, основная слабость плюралистических теорий

заключается в том, что в них предаются забвению вопросы о существенных (в данных условиях) сторонах развития явления и наличие возможностей познания мира как целого. Игнорирование указанных вопросов приводит к скептическому релятивизму, отрицающему как наличие объективного содержания знания, так и ограниченность самого процесса познания. Всё вышесказанное о постмодернизме порождает сомнения относительно результативности использования методологического арсенала его когнитологии.

Определённая результативность использования обозначенных нами пяти когнитивных моделей познания обусловлена тем, что они явно или неявно опираются на два фундаментальных основания онтологического и гносеологического характера. Суть фундаментального онтологического основания, навязанного человеку самой жизнью, состоит в том, что мир есть и человек является частицей этого мира. Смысл гносеологического фундаментального основания раскрывается на пути признания принципа отражения, позволяющего сохранять убеждённость в том, что человек может познавать вещи. Существенные расхождения выделенных когнитивных моделей определяются их предсказательной силой обнаружения потенциально возможных траекторий исторического бытия «субъектно-объектных» и «субъект-субъектных» отношений. Оптимистические надежды связывают с формирующейся эволюционно-синергетической парадигмой познания.

Эволюционно-синергетическая парадигма пытается объяснить направленность развития мира в сторону повышения своей структурной организации от момента сингулярности до возникновения человека из социума, а на основе процессов самоорганизации представить Вселенную как единый эволюционный процесс. Идея отбора позволяет глубже понимать механизмы образования новых эффективных форм и отбраковки неэффективных. Основными условиями формирования новых структур являются открытость системы, нахождение вдали от точки равновесия и наличие флуктуации. Неустойчивость и неравновесность определяют развитие систем. Знание природы бифуркации (разветвление путей развития системы в различны стороны) позволяет исключать возможности развития системы в негативных направлениях. Применение методологии новой парадигмы окажет несомненную пользу в рассекречивании феномена тоталитаризма.

Литература

1. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999.
2. Книгин А.Н. Теория познания. Учебное пособие. Томск, 2009.
3. Лекторский В.А. Эпистимология классическая и неклассическая. М., 2001.
4. Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.
5. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М., 1998.